

УДК 81.119

К. И. Таунзэнд

доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: townsendX@yandex.ru

**«ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН» БОЭЦИЙ
В ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ
ИЕРОМОНАХА ФЕОФИЛАКТА РУСАНОВА**

В статье с позиций современного переводоведения исследуется первый перевод на русский язык латинского сочинения Боэция «Об утешении философией». Анализ лексических, грамматических и стилистических аспектов перевода проводится с учетом широкого контекста переводческой ситуации в России XVIII в. Автор статьи рассматривает предисловие и посвящение перевода, оригинальные сочинения переводчика и его роль в конкретный исторический период.

Ключевые слова: перевод; Боэций; латинский язык; английский язык; русский язык; история языка.

Taunzend K. I.

Associate Professor, Department of English Lexicology, Faculty of English, MSLU; e-mail: townsendX@yandex.ru

**“THE LAST ROMAN” BOETHIUS
IN THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION
BY THE CELIBATE PRIEST THEOPHILAKT RUSANOV**

The article is an attempt at the study of the first Russian translation of the Latin book “The Consolation of Philosophy” by Boethius. Lexical, grammatical and stylistic aspects of translation are analyzed in the broad context of the background of the eighteenth century Russia. The author studies the translator’s introduction, his original works as well as his role in the history of the country.

Key words: translation; Boethius; Latin; English; Russian; language history.

Латинское сочинение Боэция «Об утешении философией» является в своем роде уникальным по количеству переводов, выполненных с него в течение 1500 лет после его создания. Как известно, в Средние века произведение Боэция переводили: на древневерхненемецкий – Ноткер и на средневерхненемецкий – Петер фон Каствль; на французский – Жанн де Мен, Пьер де Пари, Фре Рено и два неизвестных автора; на итальянский – Альберте дела Пьяджентина и др.; на греческий – Максим Планид; на испанский – Фра Антонио Гинебрета. История

английского языка сохранила для нас переводы, выполненные в IX в. королем Альфредом, в XIV в. Чосером, в XV в. Уолтоном, в XVI в. Колвилем и королевой Елизаветой I. Кроме этого, история английского языка сохранила факты создания других переводов этого же произведения, которые не дошли до наших дней. Самый последний из английских переводов с латинского оригинала был выполнен в США в 1943 г.

Итак, труд Боэция «Об утешении философией» представляет значительный интерес как одно из немногих сочинений, с которого выполнено большее количество переводов на европейские языки. Ранее наше исследование английских переводов Боэция было посвящено подробному изучению стратегий переводчиков на ранних этапах становления английского национального языка [9]. Однако не меньший интерес представляет история русских переводов этого сочинения, первый из которых был выполнен «с латинского языка Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона иеромонахом Феофилактом в Санкт-Петербурге в 1794 году», как гласит титульный лист [1].

Феофилакт (в миру Феодор Гаврилович Русанов, 1765–1821) – знаменитый иерарх русской православной церкви эпохи Александра I – родился в семье дьячка Онежской округи Архангельской губернии. Он получил образование сначала в Олонецкой духовной семинарии, затем – в Санкт-Петербургской Александро-Невской главной семинарии, которая считалась высшим духовно-учебным заведением. Окончив в 1792 г. курс, «...как лучший и даровитейший воспитанник, оставлен был в семинарии учителем поэзии и риторики» [7, с. 466–467]. Тогда же он принял монашество с именем Феофилактом и исполнял обязанности катехизатора, затем преподавателя Закона Божьего в Греческом корпусе, который впоследствии был переименован в корпус чужестранных единоверцев, а также в сухопутном шляхетном и артиллерийском кадетских корпусах. Этот период жизни иеромонаха Феофилактом был тесно связан с Санкт-Петербургом, где он «возрастал» по церковной иерархии, являясь архимандритом и настоятелем нескольких монастырей, а также членом Священного Синода в звании ассессора. При этом, как свидетельствуют биографические источники, много времени уделял самообразованию, изучал философию, эстетику, историю и новые языки, особенно французский. «Своими обширными познаниями, даром слова и видною величественною наружностью Феофилакт производил сильное

впечатление, были известны придворе и вскоре занял почетное положение» [7, с. 467]. До наших дней сохранились проповеди архимандрита Феофилакта, сказанные им в придворной церкви в присутствии царственных особ и изданные в Санкт-Петербурге в 1796 г. под названием «Поучительные слова при высочайшем дворе Блаженной и вечно достойной памяти Ее Императорского Величества Благочестивейшей Великой Государыни императрицы Екатерины II, говоренные Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона, Троицкой Сергиевой Пустыни Архимандритом Феофилактом» [5].

В 1799 г. архимандрит Феофилакт был рукоположен в епископы вновь учрежденной Калужской епархии. Неудивительно, учитывая его общественное положение, что хиротония прошла в Гатчине в присутствии царской семьи. В новой епархии епископу Феофилакту предстояла большая работа по устройству буквально всех дел с самого начала: от определения границ епархии до устройства семинарии и борьбы с расколом. «Здесь проявилась его энергия и твердая независимость в деятельности, обходительность и справедливость к подчиненному духовенству, которое он стремился поднять на подобающую высоту» [7, с. 467].

За столь успешной деятельностью в Калужской епархии последовало возведение его в сан архиепископа Рязанского и Зарайского в 1808 г., где он главным образом заботился о поднятии умственного и нравственного уровня духовенства, что непременно требовало попечения о семинарии и сближения с рязанской паствой во всех ее условиях. Здесь архиепископ Феофилакт «часто говорил проповеди и охотно беседовал с рязанскими горожанами у себя на дому по разным вопросам» [там же, с. 468]. В отделе редкой книги Российской государственной библиотеки можно найти «Поучительные слова и речи, сочиненные и проповеданные в разных местах синодальным членом, преосвященнейшим Феофилактом архиепископом Рязанским и Зарайским», изданные в двух частях в Москве в Синодальной типографии в 1809 г. [4].

Однако столь активная деятельность во главе разных епархий не смогла воспрепятствовать занятиям самими, возможно, его любимыми делами: преподаванием и словесностью. В 1807 г. Священный Синод назначил преосвященного Феофилакта членом комитета (а впоследствии комиссии) по усовершенствованию духовных училищ. Владыка ревностно взялся за дело, о чем может свидетельствовать перечень

его работ и составленных им документов [7, с. 467]. «Но любовь к делу влекла его еще дальше: после открытия Санкт-Петербургской духовной академии он как бы забывает свой сан и, вопреки установившимся традициям, берет на себя обязанности профессора по классу словесных наук ... решительно и смело читает лекции по новой программе и добивается прекрасных результатов» [там же, с. 468].

Как это нередко случается, на смену яркой, счастливой полосе в жизни пришла череда неудач, когда в 1810 г. произошел разлад в отношениях преосвященного Феофилакта с влиятельными людьми того времени: князем Голицыным и графом Сперанским. «Зараженное» мистицизмом общество «обозвало преосвященного Феофилакта обскурантом, гасителем просвещения и пр.» [там же, с. 468]. Не нашел он понимания и у правящего архиерея митрополита Филарета (Дроздова). Преосвященный Феофилакт попал в опалу, его старались удалить из столицы под благовидным предлогом, который не замедлил представиться: нужно было восстанавливать разоренные Наполеоном епархии. В 1812 г. он был отправлен в Смоленск, Могилев, Калугу, Минск и Волынь, где по поручению Священного Синода раздавал пособие потерпевшим от неприятеля, лишил сана епископа могилевского Варлаама (Шишацкого), присягнувшего Наполеону. В 1817 г. его назначили экзархом Грузии, где предстояло наладить церковное управление, открыть в Тифлисе духовную семинарию и духовные училища. Как и прежде, преосвященный Феофилакт не жалел сил и трудов по устройству духовных дел: добился материального обеспечения для местного духовенства и через благочинных подчинил его дисциплине, вдохнул новую жизнь в миссионерскую деятельность Осетинской комиссии (число новообращенных достигло 47 тыс. человек). Но «тоска по России и сознание опалы тяжелым бременем лежали на его сердце. Не могли утешить его ни сан митрополита, пожалованный в 1819 г., ни орден Владимира I степени ... он просил перевода в Россию» [там же, с. 468]. В 1821 г. во время поездки по церквям Кахетии митрополит Феофилакт скончался от тифа и был похоронен в Бодбийском Сигнагском монастыре.

Итак, перед нами история жизни, безусловно, незаурядной личности, которая внесла значительный вклад в укрепление русской православной церкви и государства. Но для филологических исследований большой интерес представляют оригинальные и переводные труды

Феофилакта Русанова, которых сохранилось немало. Первые включают его проповеди, где «он был проповедником-публицистом и преимущественно рационально-полемиического направления» [7, с. 469]. Вторые составляют большую группу выполненных им переводов: с латинского – «Философское утешение» Боэция (1794); с греческого – «Рассуждение о достоверности книг евангельских и об истинности свидетельства апостолов» (1803); с английского «Созерцание христианства» Женнинса (1803); с французского – «Пастырское наставление о превосходстве религии» Сезара Гильома де Ла Люзерна (1804); «Врачевство от уныния и отчаяния» (1805); «Начала против безверия» Камюзе (1806). Собрание переводов Феофилакта Русанова было издано в четырех частях в Санкт-Петербурге в 1809 г. Кроме того, Феофилакт принимал участие в сочинении книги для государыни – «Мнение о разностях между восточною и западною церковью» (1816); рассматривал книги – «Опыт о красноречии проповедников» (1799); «Опыт славянского словаря» (1808) и др. Под его редакцией сделаны переводы «Эстетических рассуждений» Ансильона и «Сравнительной истории философских систем» Де Жерандо, в трех частях [7, с. 469].

Из столь внушительного списка переводов Феофилакта Русанова для целей нашего исследования интересен прежде всего тот факт, что он первым перевел на русский язык латинское сочинение Боэция «Об утешении философией». Поэтому данный перевод заслуживает внимательного изучения.

При сопоставлении текстов данного оригинала и его русского перевода обращает на себя внимание близкое следование латинскому тексту, с одной стороны, и некоторая художественная переработка оригинала в переводе – с другой. Убедимся в этом на конкретных примерах.

Стремление к точному воспроизведению оригинала проявляется, во-первых, в том, что русский переводчик XVIII в. сохраняет структуру и стилистическое построение латинского сочинения, т. е. передает поэтические метры Боэция поэзией, а прозаические отрывки – прозой, сохраняя соответствующее деление всего произведения на 5 книг (подробное рассмотрение и описание текста оригинала применительно к потенциальной возможности перевода см. [9]). Так, поэтические метры Феофилакт Русанов передает шестистопным ямбом на

протяжении всего перевода, отступая от этого размера лишь иногда и заменяя его четырехстопным ямбом, например:

Безвременной зимой власы мои покрылись,
 Хладнеет в теле кровь, и силы истощились.
 Страшна бывает смерть для любящих сей свет,
 А не стенающих под игом зол и лет [1, с. 2].
 Строитель мудр Небес усеянных звездами!
 Что вечный трон себе поставивши над нами,
 Кружиться вихрем сей громаде повелел,
 И возбранил звездам, свой преступать предел [там же, с. 20].

Данные строки, взятые из первого и пятого поэтических метров первой книги, соответствуют схеме шестистопного ямба:

U -| U -| U -|| U -| U -| U -

с женской клаузулой в первых двух строках и с мужской – в двух последующих. Следует отметить, что все поэтические отрывки русского перевода близко воспроизводят мысли и образы автора оригинала. Для сравнения приведем соответствующие данным строкам латинские отрывки¹:

Intempestivi funduntur vertice cani,
 Et tremit effeto corpore laxa cutis.
 Mors hominu felix, quae nec se dulcibus annis
 Inferit, et maestis saepe vocata venit [10, lib. I m. i].

Безвременные седины изливаются на голову,
 И дрожит на слабом теле дряхлая кожа.
 Смерть человека счастлива, которая нападает не в сладкие годы,
 Приходит часто призываемая торжественными (стихами).

O stelliferi conditor orbis,
 Qui perpetuo nixus solio
 Rapido caelum turbine versas,
 Legemque pati sidera cogis [10, lib. I m. v].

О ты, создатель неба и земли,
 Покоящийся на вечном престоле,
 Ты вращаешь небо быстрым кругом,
 И принуждаешь созвездия повиноваться закону.

¹ Здесь и далее по тексту подстрочник наш. – К. Т.

Приведенные отрывки показывают, насколько точно русский переводчик передал поэтические метры латинского автора, хотя в поэтическом переводе смысловая близость отнюдь не всегда является приоритетом. Что же касается анализа поэтики перевода, то здесь ограничимся лишь указанием, что Боэций использовал в своем сочинении около 26 различных размеров, но большая часть метров была позаимствована им из трагедий Сенеки [9]. Обращался ли Феофилакт Русанов к русским переводам Сенеки или выбрал шестистопный ямб как некое подобие гекзаметра, тоже шестистопного стихотворного размера, остается загадкой. Однако, оставляя за рамками нашего исследования вопросы поэтического перевода, подчеркнем лишь, что приведенные выше примеры перевода стихотворных метров показывают, насколько близко русский переводчик XVIII в. стремился передать латинский оригинал.

Подобную точность в воспроизведении оригинала лучше всего проследить в переводе отрывков прозы Боэция. Здесь Феофилакт Русанов очень часто стремился передать как синтаксическую структуру, так и конкретные лексические значения сочинения Боэция. Рассмотрим отдельные примеры:

At ego cujus acies lacrymis mersa caligarat, ne dignoscere possem, quae nam haec esset mulier tam imperiosae auctoritatis, obstupui, **visuque in terram defixo**, quidnam deinceps esset actura, exspectare tacitus coepi [10, lib. I pr. I].

И я, зрение которого слезами покрытое притупилось, так что я не мог узнать, кто была эта женщина, столь могущественного влияния, остолбенел, и, опустив глаза в землю, молчаливый я начал ждать, что затем она будет делать.

А я, которого глаза и лицо столько были омочены слезами, что никоим образом не мог узнать женщины, **имеющей столь повелительную величественность**, оцепенел весь, и глаза потупив в землю, в глубоком молчании ожидал, что наконец она будет делать [1, с. 4].

Очевидно, что русский переводчик точно передает все синтаксическое построение этого латинского предложения, отображая латинский оборот *Ablativus Absolutus visuque in terram defixo* русским обособленным обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом.

На лексическом уровне близкое следование оригиналу находит также отражение в сохранении латинских реалий в русском переводе, таких как: *poeticae Musae* – *Стихотворческие музы*, *Seirenes* – *Сирены*, *Boreas* – *Борей*, *Phoebus* – *Феб* и др. Но одновременно с этим

стремление русского переводчика XVIII века точно передать смысл сочинения Бозция проявляется в прагматической адаптации целого ряда культурных реалий, менее знакомых и понятных получателям перевода. Например:

...Eleaticis atque Academicis studiis... [10, lib. I pr. I]

...учением Зенона и Платона [1, с. 4]

Феофилакт Русанов поясняет, что подразумевалось под занятиями в Элее и в Академии. В другом примере русский переводчик делает сноску в тексте перевода для разъяснения символического смысла одежд Философии:

Narum in extreme margine P, in supremo T vero legebatur intextum [10, lib. I pr. I].

На нижнем крае их (одежд) P, на верхнем T читалось вплетенное.

На нижнем крае ризы сея написана была буква П (*), а на верхнем T – и сноска: (*) Через П букву Греческую, означаетя Философия Деятельная, а через T Умозрительная [1, с. 3].

Прагматическая адаптация русского перевода охватывает также примеры достижения адекватного эмоционального восприятия перевода получателем:

...quis, inquit, has scenicas meretriculas ad hunc aegrum permisit accedere? [10, lib. I pr. I].

...кто, сказала, позволил, чтобы эти театральные блудницы подошли к этому больному?

...кто, рекла, позволил сим сквернавицам приблизиться к сему недужному [1, с. 3–4].

В данном примере латинское слово *meretricula* происходит от *meretrix* со значением «блудница, проститутка», а в сочетании с уменьшительным суффиксом *-cul*, который придает оттенок пренебрежения, означает «убогая блудница, жалкая проститутка» [2]. Вероятно, русское соответствие «блудница» не передавало оттенок пренебрежения, так как блудницами, о которых повествует христианская церковь, были св. Мария Магдалина и св. Мария Египетская. Поэтому Феофилакт Русанов выбирает в переводе эквивалент «сквернавица» со значением «распутница» [8, с. 184], который адекватно передает соответствующую эмоциональную оценку оригинала.

При этом русский переводчик XVIII века применяет различные трансформации, чтобы русский текст читался привычно и естественно, иными словами соответствовал узусу ПЯ. Здесь нередко встречается смысловое развитие, как в приведенном ниже примере:

...cum caput altius extullisset, ipsum etiam caelum penetrabat, respicientiumque hominum frustrabatur intuitus [10, lib. I pr. I].

...когда голову выше поднимала, самого даже неба достигала, и озирающихся людей обманывал взгляд.

Но несколько приподнявши голову скрывалась в небе; где люди тщетно старались узреть ее [1, с. 3].

В этом примере можно отметить использование переводчиком приема членения предложения, когда приведенный отрывок латинского текста представляет собой лишь завершающую часть более длинного предложения, а русский перевод этого же отрывка является самостоятельным предложением.

Довольно часто русский переводчик прибегает к описательному переводу для толкования различных мест оригинала. Например:

His ille chorus increpitus ... confessusque rubore verecundiam, limen tristis excessit [10, lib. I pr. I]

Этот кричавший хор их (Камен) ... и признавший стыд краской (на лице), печальный вышел за порог.

Таковыми выговорами, до сего беседовавшая со мною Музы, будучи поражены ... и обнаружив стыд через краску в лице появившуюся, в положении означающем их смущение, немедленно удалились из моего покоя [1, с. 4].

Выделенные места перевода были добавлены переводчиком с целью разъяснения отдельных значений и образов оригинала.

Как уже отмечалось выше, при очевидном стремлении Феофилакта Русанова к близкому следованию оригиналу и наиболее точному воспроизведению всех аспектов латинского сочинения Боэция в русском переводе также весьма часто встречаются элементы художественной обработки, которые проявляются прежде всего в добавлении красочных метафор в русский перевод. Приведем наиболее яркие примеры:

Quarum speciem, veluti fumosas imagines solet, caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat [10, lib. I, pr. I].

Вид которых (одежд) словно дымные образы был, какой-то густой туман покрыв (их как) нечто из забытого прошлого.

Красота одежды сея еще затенялась неким мраком древности, в небрежении оставленной; каковой бывает на картинах, от пыли и перемен воздуха попортившихся [1, с. 3].

Здесь очевидно, что при описании внешности и одежд Философии, явившейся Боэцию, упоминание картин, которые портятся от неправильного хранения, явно является анахронизмом, так как в начале VI в., когда был написан оригинал, едва ли можно было говорить о станковой живописи. Значит, эта метафора была привнесена в русский текст переводчиком XVIII в., вероятно, для добавления красочности и наглядности того, с чем можно сравнить такое изображение.

Другой пример еще ярче иллюстрирует масштаб художественного отступления от оригинала в русском переводе:

Quid taces? [10, lib. I, pr. ii].

Что молчишь?

Почто язык, связанный молчания узами, не разрешается от оков сих? [1, с. 6]

В латинском тексте Философия обращается к Боэцию с простым вопросом, состоящем всего из двух слов и имеющем привычное соответствие в русском языке. Но его перевод в XVIII в. был явно перетрансформирован, и вопрос принял возвышенную витиеватую форму. Наряду с подобными метафорами русский переводчик добавляет красочные эпитеты в текст перевода. Например:

Quod si nec Anaxagorae fugam, nec Socratis venenum, nec Zenonis tormenta, quoniam sunt peregrina, novisti... [10, lib. I, pr. iii]

Ибо если ты не знал ни бегство Анаксагора, ни яд Сократа, ни страдания Зенона, так как они чужеземцы...

Если неизвестно тебе самопроизвольное Анаксагорово заточение; если не слышал ты о Сократе, которого жизни чаша еще не упраздненная была ядом отведена от уст его; если не знаешь и лютых Зенона мучений... [1, с. 9].

В данном отрывке латинскому [*fuga Anaxagorae*] соответствует русский перевод XVIII в. с эпитетом *самопроизвольное*, а [*tormenta Zenonis*] – мучения Зенона с эпитетом *лютые*. Что касается [*venenum Socratis*], то здесь, вероятно, речь идет уже не о добавлении эпитета, а о привнесении русским переводчиком витиеватой метафоры.

Помимо красочных метафор и эпитетов, русский перевод Феофилакта Русанова наполнен возвышенной архаичной лексикой, принадлежащей, скорее, к церковно-славянскому, чем к русскому языку XVIII в. Здесь можно выделить следующие лексические единицы:

vultus (лицо) – зрак;

infructuosis spinis (бесплодными терзаниями) – бесплодным тернием;

vidit (увидела) – узрела;

inquit (сказала) – рекла,

...qui nostro quondam lacte nutritus, nostris educatis alimentis... [10, lib. I pr. II]

(который вскормлен был нашим молоком и воспитан на нашем содержании) – ...не ты ли некогда млеком моим быв воздоен, и брашном моим воспитан... [1, с. 6].

Объяснить такой выбор церковно-славянской лексики русским переводчиком несложно, учитывая церковный сан и род занятий Феофилакта Русанова.

Еще одним подтверждением подобного влияния личности переводчика на результат перевода могут служить элементы интерпретации отдельных значений оригинала в религиозном контексте. Например:

...cum deinceps Epicureum vulgus ac Stoicum ceterique (...) molirentur [10, lib. I pr. iii].

(когда затем, подобно эпикурейцу и стоику, и другие кинулись...)

...когда Епикурской и Стоической Секты слепые последователи и другие многие [1, с. 8].

Здесь используемое переводчиком слово «секта» выступает, скорее всего, в переносном значении как «группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах» с оттенком неодобрения, но при этом все же сохраняет, на наш взгляд, религиозную часть значения, от которого и происходит неодобрительная оценка [3]. Сюда же, к элементам религиозного переосмысления значений оригинала можно отнести использование русским переводчиком соответствий со значением дух / душа при отсутствии подобных сем в латинском оригинале. Рассмотрим такие примеры:

...de nostrae mentis perturbatione...

(на смятение нашего разума) – на смущение духа моего;

...invicta te firmitate tuerentur...

(защило бы тебя непобедимой крепостью) – ...никаких бы себе не нашел препон в уничтожении малодушия;

...lumina ejus, mortalium rerum nube caligantia, tergamus [10, lib. I pr. ii].

(глаза его, покрытые облаком смертных дел, мы отираем) – ...надлежит только отереть его глаза и возвратить зрение душевному оку [1, с. 6].

Очевидно, что русские слова *дух*, *малодушие*, *душевное око* используются русским переводчиком в данных микроконтекстах как часть религиозной трактовки содержания латинского оригинала Боэция. Сочетание подобных вкраплений с обширным употреблением церковно-славянской лексики в русском переводе XVIII в. еще больше усиливает религиозную составляющую русского текста.

Подводя итоги анализа первого русского перевода латинского сочинения Боэция «Об утешении философией», следует сказать, что хотя в целом данный перевод можно охарактеризовать как точный и эквивалентный, указанные черты художественной обработки оригинала в русском тексте подводят нас к вопросу об адекватности перевода Феофилакта Русанова, т. е. к вопросу о целях и задачах создания данного перевода, о его потенциальных получателях и других параметрах переводческого акта. Ответ на этот вопрос, как правило, заключается в предисловии самого переводчика, его личности и деятельности.

В данном случае предисловие к переводу Феофилакт Русанов назвал «Предуведомление» и начал с кратких биографических сведений об авторе оригинала, которые, впрочем, отличаются некоторой неточностью относительно дат и времени жизни Боэция. Свое предуведомление Феофилакт Русанов начинает так: «Аниций, Манлий, Торкват, Северин, Боэций Римлянин, родился в лето от Рождества Христова 455...» [1, с. I] и далее пишет: «Злоба, на 71 год жизни, а заточения на 9, обезглавила Боэция...» [1, с. IV]. На самом деле, более точными датами жизни «последнего римлянина» считаются годы примерно с 480 по 524 или 526, что составляет неполные 50 лет жизни [6]. Тюремное заключение приходится лишь на последнюю пару лет или даже меньше, когда он, как известно, и написал свое

сочинение «Об утешении философией». Согласно современным источникам, «...в 523 г. вместе с сенатором Альбином Боэций был обвинен в причастности к заговору против короля. <...> Точная дата его казни неизвестна; по разным сведениям, она произошла в 524 г. (по датировке бургундского хрониста VI века Мария из Аванша) или в 526 г. (согласно современным исследователям С. Костеру, К. Леонарди и др.)» [6, с. 119]. Подобная неточность в предисловии к русскому переводу 1794 г. объясняется, на наш взгляд, источниками, которые были доступны русскому переводчику и откуда он черпал сведения. В любом случае эта погрешность в хронологии событий жизни автора не является принципиальной, так как назначение предисловия, судя по его содержанию, было совсем иным и не имело целью излагать подробно биографию Боэция.

В этом довольно кратком предисловии (всего 5 страниц) Феофилакт Русанов уделяет большое внимание оценке роли и значения личности «последнего римлянина» как в контексте его эпохи, так и для последующих поколений. Так, упомянув в биографическом описании, что Боэций учился по трудам древнегреческих философов Аристотеля, Платона, Евклида, Архимеда и Птолемея, переводчик тут же переходит к сравнению их вклада с трудами Боэция в пользу последнего. «Все сии говорили языком невразумительным, почти все терялись в бездне умозрений своих. Разум их, прервавши сношение с веществом, парил к странам отвлечений, и обыкши скаком пробегать безмерныя расстояния, своею глубокомысленностию, кажется, больше желал изумить человечество, нежели просветить оное. <...> Науки и художества, которыми изобиловала Греция, все были им облечены в одежду Римскую, и украшены такою приятностию слова, и такою собственностию языка, что и самые творцы не без зависти бы воззрели на плод свой» [1, с. II]. По мнению Феофилакты Русанова, Боэций превзошел в заслугах не только величайших из греков, но и своих знаменитых соотечественников, как, например, Цицерона, который «скорбь о кончине любезной дщери своей облегчал рассуждением о бессмертии душ: а Боэций, чтоб утвердить себя в терпении, все усилия разума своего устремил на существование благо человека» [1, с. IV].

Но, поставив заслуги Боэция выше всех достижений греко-римской Античности, Феофилакт Русанов, безусловно, не мог оставить без внимания неоднозначный вопрос о христианской вере

автора «Об утешении философией». Ведь долгое время считалось, что «автор “Утешения” не был христианином, и поэтому, признавая авторство Боэция, исследователи отрицали принадлежность ему богословских трактатов. После признания аутентичности богословских сочинений Боэция, выдвигались предположения, что вера Боэция была недостаточно глубокой и искренней или даже что перед смертью он отрекся от христианства (А. Момильяно); Р. Картон, Э. Т. Силк, Э. А. Жильсон, напротив, находили в “Утешении” христианский дух и неявные цитаты из Священного Писания» [6, с. 120]. А вот какого мнения придерживался русский переводчик XVIII в.: «Святая вера в нем нашла почти все то, чему удивлялись и удивляются во святых отцах, сих непоколебимых столпах церкви и красоте добродетели» [1, с. III]. Относительно отсутствия в оригинале упоминаний о Христе Феофилакт Русанов полагал, что переводил только первую философскую часть более обширного труда, который либо не сохранился, либо не был завершен автором. Вот как он об этом пишет: «Читателю, не видящему, что сие изящное творение еще не приведено к намеренному концу, надлежит быть крайне не замечательну. Да и вероятно ли, чтоб в темнице защищавший тройственность лиц Божества, опровергаемую его Государем, не утешил себя в несчастьи учением Христовым?» [1, с. IV]. Итак, для Феофилакты Русанова личность Боэция представлялась высшим образцом в обеих ипостасях: античного ученого, писателя и христианского святого.

Что же касается конкретного сочинения Боэция «Об утешении философией», то здесь русский переводчик XVIII в. также ясно выразил свое мнение: «Он на все свои творения положил печать редких дарований; но в утешении Философском, кажется, победил самого себя» [там же, с. IV]. И завершается предисловие такими словами: «Тако ум и воля Боэция, остановившиеся на неизменных благах, соделали его современником всех столетий и гражданином повсеместным» [там же, с. V]. Таким образом, «предупреждение» к переводу Феофилакты Русанова целиком и полностью посвящено рассуждению о заслугах автора и достоинствах его сочинения.

Помимо предисловия русский перевод XVIII в. содержит посвящение церковному начальству, как указано на титульном листе: «Святейшего правительствующего Синода Первенствующему Члену, Великому Господину Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербуржскому и архимандриту Свято-

Троицкого и Александро-Невского монастыря, Милостивейшему Архипастырю и Отцу» [там же]. Такое посвящение вполне понятно, так как иеромонах Феофилакт не мог издать свой перевод в типографии корпуса чужестранных единоверцев без одобрения церковного руководства. Здесь уместно вспомнить ту неприятность, которая произошла уже с архиепископом Рязанским и Зарайским Феофилактом, когда в 1813 г. он напечатал «Эстетические рассуждения» Ансильона в переводе студентов духовной академии лишь с одобрения гражданской цензуры, не дождавшись отзыва соответствующей церковной комиссии. «Книги к употреблению в академии не допустили, нашли, что перевод заражен пантеизмом, натурализмом и либерализмом» [6, с. 468]. Этот случай тогда только ухудшил опальное положение владыки Феофилакта. Видимо, такое посвящение перевода «Об утешении философией» Бозэция вполне соответствовало действующим правилам.

Изучив подробно предисловие и посвящение русского перевода XVIII в., вернемся к вопросу о целях его создания. При отсутствии прямых указаний самого переводчика мы можем лишь строить предположения. Однако, учитывая проанализированный перевод и предисловие к нему, а также личность и деятельность Феофилакta Русанова, можно с большой долей вероятности заключить, что русский переводчик XVIII в. руководствовался как личными творческими, так и дидактическими целями в создании перевода «Об утешении философией» Бозэция. В пользу такого заключения говорит целый ряд прагматических факторов данной ситуации перевода. Во-первых, в течение всей своей жизни Феофилакт Русанов успешно занимался преподаванием, начав свой путь как учитель поэзии и риторики, а затем Закона Божьего и дойдя до профессора словесности. К этой же сфере деятельности можно отнести его непрестанное попечение о духовных учебных заведениях; о содержании и уровне образования духовенства. Во-вторых, основная мысль предисловия о выдающейся роли Бозэция и об огромном значении его сочинения делает это предисловие рекомендацией самого перевода для прочтения и изучения теми, кто не мог познакомиться со столь великим творением в оригинале. На наш взгляд, в предисловии переводчик убеждает прочитать книгу Бозэция как нравоучительное и душеполезное чтение, которое, возможно, предназначалось для студентов духовных семинарий и академий. В-третьих, неизменная любовь Феофилакta Русанова

к словесности, стремление к самообразованию, самостоятельное изучение европейских языков и обширный перечень его переводов складываются в личностную творческую мотивацию к созданию данного перевода и отражают творческие цели самого русского переводчика. Именно такими целями объясняется, по нашему мнению, и стремление к точности в переводе, и та художественная обработка, которой подвергся латинский оригинал в переводе Феофилакта Русанова.

В этой связи представляется уместным сопоставить красочные метафоры, сравнения и эпитеты, добавленные им в русском переводе, с теми же образными средствами языка, которые он использовал в своих речах и проповедях. Приведем лишь немногие яркие фразы:

(Благочестие) острозрительным, как рысь, делает человека [4, с. 30].

...и кои наконец в обольстительной стране жлесловесия и нововведений и сами теряются, и те легковверные, коих туда завлекли с собою... [там же, с. 48].

Посмотрите на ветреную молодость: едва только откроет свои глаза, едва только начнет ходить без помочей; то и перебегаёт от одного призрака к другому, подобно мотыльку... [там же, с. 49].

Напоследок пасмурная старость наступает... [там же, с. 50].

Идол Арианской ереси с болезнию чувствовал тяжкие удары его ревности. Св. Николай ... успел поколебать сей горделивый дуб в самом его корне [там же, с. 65].

Перед нами яркие, красочные, живые образы, которые создал условно талантливый проповедник, переводчик, поэт и филолог, выходец из простой семьи с севера России и оставивший о себе память как знаменитый иерарх русской православной церкви эпохи Александра I и как первый русский переводчик латинского сочинения Боэция «Об утешении философией».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аниция Манлия Торквата Северина Боэция*. Утешение философское переведено с латинского языка Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона иеромонахом Феофилактом. – СПб. : Импер. Академия наук, 1794. – 176 с.
2. Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков ; под общ. ред. С. И. Соболевского. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. – 950 с.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык. – 1990. – 915 с.

4. Поучительные слова и речи, сочиненные и проповеданные в разных местах синодальным членом, преосвященнейшим Феофилактом архиепископом Рязанским и Зарайским. – Ч. I–II. – М., 1809.
5. Поучительные слова при высочайшем дворе ... Великия Государыни императрицы Екатерины II говоренные Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона, Троицкой Сергиевой Пустыни архимандритом Феофилактом. – СПб., 1796.
6. Православная энциклопедия / под ред. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II : в XLIII т. – Т. VI. Бондаренко – Варфоломей Эдесский. – М., 2003. – 752 с.
7. Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом : в 25 т. – Т. 25: Яблоновский–Фомин. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – 493 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 24 (Се – Скорый) / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1999. – 222 с.
9. Таунсенд К. И. Прагматический аспект переводов античных авторов (на материале ранних английских переводов латинского сочинения Боэция «Об утешении философией») : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 238 с.
10. *Anicii Manlii Severini Boetii. De consolatione philosophiae // Patrologiae cursus completus. Series Latina / Accurante J.-P. Migne. – Tomus LXIII: Manlii Severini Boetii Opera omnia. – P., 1847.*